

Митрофан Вистовский

*Казино
«Пять
тузов»*

Киноповесть



Митрофан Вистовский

Казино «Пять тузов». Киноповесть

«Издательские решения»

Вистовский М.

Казино «Пять тузов». Киноповесть / М. Вистовский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748534-4

По заказу Министерства Внешних Долгов. Авантюрная, остросюжетная
комедийная киноповесть. Продукт готов к употреблению, не требует
дополнительной обработки...

ISBN 978-5-44-748534-4

© Вистовский М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Сцена 1: По пути на работу	7
Сцена 2: Типичное ограбление	9
Сцена 3: Издательство. Рабочая суета	11
Сцена 4: Больница на троих	15
Сцена 5: Страшная правда	18
Сцена 6: В кабинете Подпортянского	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Казино «Пять тузов»
Киноповесть
Митрофан Вистовский

© Митрофан Вистовский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Руки крупье вскрывают колоду игральных карт. Чьи-то пальцы нервно барабают по краю стола. На руке – перстень с бриллиантом. Бриллиант бросает в камеру сноп ослепительного света. Ловко тасуется колода.

В центр стола выдвигается банк – ровные стопки новых купюр. Рядом – тяжелый Маузер времен Первой Мировой. Красная цифра «9» на отполированной временем рукоятке. Это девятимиллиметровый калибр.

На край стола ложится тонкий карточный веер рубашкой вверх. На банк отправляется очередная пачка.

С оттяжкой открывается первая карта. Пиковый король.

Пальцы тянутся к упаковке валидола.

Вторая карта ложится в ряд. Червовый король.

Чья-то ладонь украдкой тянется к банку. Удар по пальцам. Ладонь исчезает.

К двум королям пристраивается третий – король крестей.

Рука с бриллиантом поправляет перстень. Сноп света. Чьи-то пальцы нервно катают таблетку валидола по краю стола.

Четвертая карта слегка приоткрывается и опять прижимается к столу. Невидимый голос: – Король бубей. Каре, господа!

Рядом с тремя королями – бубновая дама. Черным фломастером на лице дамы подрисованы мужские усы и борода. Поверх буквы «Д» намалевано грубое «К».

Нечеловеческий крик, вой милицейской сирены...

Сцена 1: По пути на работу

Яркий солнечный день. Разгар лета. Людные улицы столицы. Разрезая автомобильные реки и разгоняя зазевавшихся пешеходов, со всех концов мчатся по городу летучие машины с проблесковыми маячками. Они спешат. Они торопятся на помощь человеку, попавшему в беду.

По Никитскому бульвару мчится синий милицейский «козел». По Сретенке – карета скорой помощи. Из открытых дверей торчат чьи-то голые ноги. По Цветному – как на пожар спешит пожарная команда.

Мигают мигалки спасателей и чиновников. Мчатся толстобокие броневики инкассаторов. Набирает разгон цистерновоз с надписью «ПИВО». В глухом московском дворике надрыгается сигнализацией припаркованный к забору старенький запорожец.

Провожая взглядом каждую сирену, в безликой толпе прохожих движется гражданин. На нем светлая рубашка с короткими рукавами, бежевые брюки, элегантные туфли и галстук. Из нагрудного кармана выглядывает толстый блокнот, сверкающий надписью «ПРЕССА», и авторучка, быть может, чуть больших размеров, чем следует. В руках гражданин несет черную кожаную папку с бумагами. На голове – наушники, в наушниках – что-то громкое.

Это я – Митрофан Вистовский.

Последняя мигалка затухает вдали. Я на людной улице. Прямо передо мной большой рекламный щит:

«Издательский Дом ОМЕГА. Газеты, Журналы. Книги».

Заглядываю в папку. На форматном листе ровная надпись: «Отдел оперативного ПОИСКА». Рядом пометка: «Найти денег и рукопись. Срочно!». В наушники бодро вливается музыка – жизнерадостная попса из Моцарта. Нарисованная рука на рекламном щите указательным пальцем указывает мне дорогу. Бодрым шагом иду в направлении пальца.

Внутренний голос за кадром по ходу движения с легким гомеровским пафосом ведет рассказ:

«В тот день я шел на работу в приподнятом настроении. Я еще не знал, в какую ужасную переделку попал один из моих коллег, и по дороге размышлял о текущих делах: о свежих газетных репортажах и о рукописи моего незаконченного романа...».

Звонко цокая каблуками, мимо меня движутся стройные женские ноги, слегка прикрытые миниюбкой. Провожаю ноги глазами, затем головой, затем всем своим телом.

«... По правде говоря, я любил свою работу. Да и как могло быть иначе, ведь я, Митрофан Вистовский, работал журналистом в газете „Жареные факты“, а что может быть прекраснее, чем высокая обязанность журналиста снабжать людей достоверной и важной информацией?...».

Иду за ногами. Опять все тот же рекламный щит, указательный палец с осуждением смотрит мне навстречу.

«... И эта работа увлекала меня. Я рассказывал людям о вещах, скрытых от постороннего взгляда...».

Красная материя миниюбки таинственно шевелится в такт шагов.

«... Заглядывал в самые потаенные места...».

Миниюбка одергивается на ходу.

«... говорил о том, о чем другие предпочитали молчать...».

Ноги сворачивают в какую-то арку. Мои направляются туда же.

Передо мной старый московский двор. Детская площадка отгорожена решетчатой оградкой. Увы! Ног нигде не видно. Хлопает дверь подъезда. Стою, озираюсь. Щелчком выключаю музыку. Указательным пальцем задумчиво тереблю губы.

«...Конечно, иногда и у меня случались неудачи. Но главные правила, которым в своей журналистской практике я не изменял никогда, были просты: надежный источник информации...».

Акцент на указательный палец у рта.

«...и качество материала».

Большой оранжевый мусоровоз в глубине двора с тихим урчанием загружает в свою утробу содержимое контейнера. На контейнере знакомая надпись: «Мусор».

Все, делать здесь больше нечего... Вздыхаю. Читаю на столбе одинокое объявление: «Выставка коллекционного оружия». На прощанье размашисто провожу пальцем по оградке. Заборные прутья издают характерный звук:

– Тр-р-р-р... Ай!

Большая заноза заставляет меня скорчиться от боли...

Сцена 2: Типичное ограбление

Кадр переворачивается с ног на голову. В перевернутом объективе – квартира Сидоровых. Всюду следы погрома.

Внутренний голос коротко поясняет:

«А на квартире моего приятеля Сидорова все стояло вверх дном. Разумеется, кроме милиции – милиция стояла нормально».

Кадр возвращается в нормальную позицию. Среди разбросанных по полу вещей люди в милицмейской форме. Дверцы шкафов открыты, ящики столов выдвинуты.

По квартире деловито прохаживается хмурый инспектор с майорскими погонами на плечах. Это инспектор Подпортянский. В руках он крутит авторучку. За его спиной фотограф с камерой.

Раз за разом авторучка инспектора останавливается на предметах обстановки со следами погрома. Молчаливый фотограф фиксирует эти предметы на пленку. Взломанный сейф. Блик вспышки. Вспоротая подушка. Вспышка. Плакат с обнаженной девицей. Вспышка. Генеральский мундир на вешалке...

Перед мундиром ручка инспектора заводится и опускается. Вспышки нет. Подпортянский невольно поправляет форму одежды и выпрямляется.

– Генерал Сидоров в курсе? – интересуется он у помощника.

– Нет, в больнице.

– И ничего не знает?

– Пока еще не сообщали. Врачи волновать товарища генерала запретили. Инсульт.

– Понятненько, – кратко резюмирует Подпортянский и незаметно расслабляется. –

А милицию кто вызвал?

– Внук товарища генерала.

– Где он сейчас?

– В трансе. Составляет список пропавших ценностей.

– Понятненько.

Так и не ткнув авторучкой, Подпортянский просто кивает на висящий мундир. Вспышка.

За кухонным столом на табуретке, обхватив голову руками, мой коллега Сидоров. Перед ним пустой лист бумаги. Вспышка.

У дверей прихожей милицмейская собака начинает скулить и царапать пол.

– Похоже, след учуяла, – заключает Подпортянский.

– Вроде да, – пожимает плечами помощник.

Кинолог с овчаркой выбегают из подъезда. Собака с силой натягивает поводок, добегают до столба и задирает ногу. В глаза кинолога овчарка смотрит с некоторой виноватостью в глазах.

У окна во двор фигура Подпортянского:

– Понятненько, – отворачивается он от окна. Быстро возвращается на кухню и берет со стола исписанный Сидоровым лист. Сидоров продолжает находиться в трансе.

– Значит, говорите, пятнадцать тысяч пропало? – читает Подпортянский и поворачивается к помощнику. – Почему экспертов до сих пор нет?

– Не знаю, – пожимает плечами тот. – Я их сразу вызвал.

Помощник берется за телефон:

– Алло! Дежурный? Смольный на проводе. Лейтенант Смольный. Из группы майора Подпортянского. Эксперты где? Выехали? А куда они выехали?

Подпортянский достает из кармана листок и дает распоряжение:

– Адрес проверь. Улица Зеленые горки, дом четыре...

– Черт! – на лице Смольного явное огорчение. – Зеленые! А я их, кажется, на Красные отправил...

– Ты что, дальтоник? – пожимает плечами майор.

– Алло! Дежурный! – опять орет в трубку Смольный. – Когда эксперты с Красных горок вернутся, пусть срочно на Зеленые едут. Да, адрес тот же, только горки не красные, а зеленые. Зеленые! Как дерево. Ты меня понял? Все, жду!

Подпортянский возвращается к Сидорову:

– Значит, пятнадцать тысяч. Понятненько... Номера купюр запомнили?

Хозяин ограбленной квартиры только раздраженно отмахивается.

– Ну, на нет, как говорится, и суда нет, – подводит итог инспектор. – Пятнадцать, так пятнадцать. Будем искать, голубчиков. Так своему деду и передайте.

Сидоров с тоской смотрит в сторону окна. Из прихожей доносится странный шум и на кухню входит помощник:

– Товарищ майор, там какого-то подозрительного типа задержали.

– Крепко подозрительного? – интересуется инспектор.

– Так точно! – рапортует Смольный.

На кухню заходит задержанный со свежим синяком под левым глазом. Участковый Колобанщиков легко подталкивает его в спину.

– Заходи, заходи. Здравия желаю, товарищ инспектор, – участковый поправляет фуражку. – Вот, полюбуйте, у дверей задержал, красавца. Меня увидел, удрать хотел. Пришлось применить силу.

Подпортянский смотрит на участкового с удивлением:

– Колобанщиков? Ты как здесь оказался?

– Предчувствие у меня было, – оживленно поясняет тот. – Когда товарищ генерал в больницу слег, я его квартиру на особом контроле стал держать.

– Зачем? – не понимает инспектор.

– Мало ли? – участковый пожимает плечами. – Генерал, все-таки. Как в воду глядел!

– Ладно, – закрывает тему Подпортянский и строго спрашивает у задержанного. – Кто такой? Документы имеются?

– Я отказываюсь отвечать без адвоката! – огрызается задержанный.

– Понятненько, – инспектор кивает головой и тыкает в задержанного ручкой. Вспышка.

Участковый поясняет ситуацию:

– Сюда направлялся. Говорит, хозяин ему деньги задолжал.

– Пятнадцать тысяч?

– Не знаю...

Инспектор обращается к сидящему за столом Сидорову:

– Вам знаком этот человек?

В округлившись глазах Сидорова удивление:

– Первый раз вижу.

– Понятненько, – Подпортянский удовлетворенно хмыкает. – Значится, будем работать.

Щелчком он смахивает невидимую пылинку с майорской звезды на погоне. Вспышка.

Сцена 3: Издательство. Рабочая суета

С забинтованным пальцем открываю дверь издательства. На двери монументальная табличка: «Издательский дом ОМЕГА». В издательстве – привычная суматоха. По коридорам и лестницам снуют знакомые и не очень лица с кипами бумаг и упаковками свежей прессы. Уборщица готовит к действию большой полотер.

У входа за стойкой сидит вахтер. Он почему-то одет в форму швейцара и смотрит хмуро. Голос за кадром:

«А в издательстве все шло своим чередом, все дышало и кипело работой. Мастера печатного слова – журналисты и писатели всех мастей – спешили по своим ежедневным делам. Это был мой мир, моя атмосфера. И даже в облике сурового охранника у входа было что-то родное и близкое...».

– Привет, Иваныч, – бросаю вахтеру на ходу.

– Я – Петрович, – летят мне в спину его возражения.

– Эй, Вистовский! Вистовский! – орет мне кто-то от дверей.

– А! Привет! – оборачиваюсь я, но не останавливаюсь.

– Ты мне сотню возвращать собираешься?

– Ну, конечно! – на ходу успокаиваю я неизвестного кредитора и иду дальше.

– Когда?

Поворачиваюсь и прикладываю покалеченную руку к груди.

– Завтра отдам, – собираюсь сказать я, но в этот миг уборщица на секунду включает полотер и моя пламенная тирада сливается с отчаянным воем агрегата.

– Когда? – непонимающе переспрашивает тот.

– Завтра! – полотер врубается на полную громкость и опять заглушает слова. – Ты же меня знаешь. Разве я тебя когда-нибудь подводил? Жди меня и я вернусь!

Глаза кредитора тихо стекленеют, но мне, к сожалению, пора.

В лифтовом холле наталкиваюсь на работника с внушительной стопкой рукописей в руках. Бумажная кипа достает ему выше подбородка, вдобавок ко всему, в зубах у бедолаги надкусанный бутерброд.

– Какой этаж? – участливо спрашиваю я.

В ответ он мычит что-то маловразумительное и движением подбородка пытается показать вверх.

«Впереди был долгий трудовой день, – завершает вещание мой внутренний голос, – и множество интересных дел ожидало меня на рабочем месте».

Поочередно показываю пальцем на кнопки и вопросительно смотрю на его реакцию. Надписи рядом с кнопками говорят сами за себя:

Жареные факты

Фальшивые сплетни

Дрянные романы

Совсем дрянные романы

Полный отстой

Лучше не читать

Макулатура

Детективы

На детективах он оживленно кивает головой, отчего стопка в его руках рассыпается. Развожу руками и выхожу из лифта... Читатель ждет от меня своевременной и достоверной информации.

Первая дверь с надписью: «Заказные статьи». Вхожу без стука, ложу на стол несколько бумажек из папки, продолжаю движение.

Вторая дверь: «Газетные утки». Все идет без промедлений.

Третья дверь: «Аналитический отдел». Здесь заминка. Редактор жестом останавливает меня и продолжает диктовать секретарше. Клавиши стучат чуть быстрее, чем следует. Редактор диктует четко и внятно:

– Удивительное скудоумие продемонстрировал известный русский писатель Л. Н. Толстоевский! На вопрос журналистов, какими языками он владеет, литератор ответил: «Лично я никакими языками не владею. Я ими пользуюсь».

– Принес? – через плечо осведомляется он.

– Конечно! – подтверждаю я и сую ему немного измятый лист.

– Бывай.

Не замечая, что я не спешу покидать кабинет, редактор продолжает диктовать:

– «Не пить на рабочем месте, – под таким девизом начинается летний сезон бригада московских водолазов».

– Ну, что еще? – откликается он на мое вежливое постукивание по плечу.

– У тебя сотни до завтра нет? – как бы между прочим любопытствую я и слышу в ответ: «Завтра заходи».

– Хорошо...

– «Вот бы и нам наконец взять за правило...», – под стук печатных клавиш летит за мной его раскатистый голос...

На выходе нос к носу сталкиваюсь с литературным редактором Васькиным.

– Ага, на ловца и зверь бежит! – радостно хватает он мою руку. У меня на лице – болезненная гримаса:

– Осторожнее! – запоздало вскрикиваю я и демонстрирую перевязанный палец.

– Ты что, палец, что ли, сломал?

– Ну! Понаставили заборов, где ни попадя. Ни пройти ни проехать. Как теперь работать не знаю.

Весь мой скорбный облик говорит о моем душевном расстройстве, но на редактора это почти не производит впечатления:

– Ладно, кончай симулировать! Ты когда рукопись принесешь? На прошлой неделе еще обещал.

– Тебе бы так симулировать! – продолжаю морщиться я, прижимая папку подмышкой. – Какую рукопись?

– Та-а-к! – с нехорошими нотками тянет редактор и я озаряюсь счастливой догадкой:

– Ах, рукопись! Романа, что ли?

– Его самого, – глаза редактора начинают нетерпеливо посверкивать.

– На днях.

– Железно?

– Железно.

Я старательно придаю своему лицу выражение полной правдивости и кажется это приносит свой эффект. Васькин отпускает мой рукав и неожиданно соглашается:

– Ладно, если к вечеру не принесешь – пеняй на себя.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Ты же меня знаешь.

А вот и мой родной отдел и любимая мною табличка с большими магнитными буквами: «Отдел оперативного ОПИСКА». Быстро меняю буквы местами: «Отдел оперативного ПОИСКА». От хлопка дверью большое «О» опять срывается вниз.

Рывком открываю дверь. Приветствие, дежурный комплимент:

– Всем привет. Красивая прическа.

В нашем отделе из пяти столов заняты только два. За одним сидит девушка, узнать которую легко мог бы каждый, потому что прямо над ней к стене приколочена табличка: «Мария Степановна Воронцова, журналист». На Марье Степановне черная куртка с цепями, а на голове ярко красный панковский гребень. Я люблю эту вежливую, интеллигентную девушку. Она с упоением читает толстую книгу и отвечает хорошо поставленным голосом потомственной аристократки:

– Стилист посоветовал.

Над другим столом табличка более сдержана: «Репортер Петров».

Репортер Петров ведет себя как-то странно – сидит в позе Лотоса, ни на что не реагирует и подозрительно не дышит.

– А с ним что? – интересуюсь я у Марии Степановны.

– Не обращайтесь внимания, Митрофан Семенович, – охотно отзывается та, – это он вчера про йогю статью писал, теперь на себе опыты ставит.

– Похвально, – одобряю я действия своего подчиненного.

На моем рабочем месте страшный беспорядок. Табличка над столом отсутствует, бумаги разбросаны, ящики перевернуты.

– Ну и какие мерзавцы мне здесь погром устроили? – спокойно интересуюсь я.

– Это, Митрофан Семенович, вы вчера ручку здесь свою искали, – напоминает Мария Степановна, пока я возвращаю на стену табличку: «Митрофан Вистовский, старший группы ПОИСКА».

– А, ну да! – припоминаю я. – А рукопись мою никто не видел?

– Рукопись вашу я не видела, – плывет по кабинету нежный женский голос.

Роюсь среди бумаг, по мере сил возвращая их по местам. Рукописи нет. Она отсутствует.

– Слышь, Петров, – кричу я из-под стола, – займи до завтра сотню.

– У кого? – открывает Петров один глаз и мне приходится пояснять:

– У тебя.

– У меня нет, – снова смыкает веки репортер Петров.

– Тогда займи хоть сколько, – на всякий случай продолжаю атаку я, хотя уже догадываюсь, что в ответ услышу все ту же печальную отповедь:

– Хоть сколько тоже нет.

– А рукопись мою ты не видел?

– Не видел.

Репортер Петров уходит в полную медитацию. Практика йоги приносит свои плоды.

– Ах, черт! – неожиданно вспоминается мне. – Я же ее Сидорову давал почитать. Кстати, почему его на рабочем месте нет?

– Он уже третий день на работу не ходит, – откликается со своего стула Мария Степановна. – Говорят, его квартиру обокрали. А у дедушки инсульт. Ужасная история. Бедный Сидоров! Переживает, наверное.

Эта информация выводит репортера Петрова из транса. Он пробует распутать заклинившие ноги и оттого голос его звучит несколько резко и саркастично:

– Переживает! Я его на днях возле казино видел. Он мне еще Маузер показывал, спрашивал, сколько такая штука стоить может.

– Какой Маузер? – у меня слова Петрова вызывают здоровое любопытство.

– Что значит какой Маузер? Обычный пистолет системы Маузер, образца 1896 года, калибр – девять миллиметров. С патронами и кобурой. Как у комиссаров в гражданскую. На пару сотен может потянуть, наверное.

– Да, кстати, – вспоминаю я о своем деле, – займи сотню до завтра.

– Ты уже спрашивал, – отрезает Петров.

Сказать что-нибудь еще я не успеваю. Дверь с шумом открывается и на пороге появляется дежурный:

– Опергруппа, на выезд! Хулиганы в зоопарке слона замучили – консервную банку к хвосту привязали!

– Слон индийский? – оживляется репортер Петров.

– Индийский.

– Еду! – он вскакивает со стула и пулей вылетает из кабинета. Мария Степановна поправляет прическу.

– Какой ужас! – задумчиво бормочет она. – Ну почему люди так бессердечны? Надо нам все-таки чаще писать о необходимости доброго отношения к животным...

Одной рукой набираю номер телефона Сидорова, второй – продолжаю рыться в бумагах. Мой голос за кадром размышляет вслух:

«Набирая номер телефона, я смотрел на Марию Степановну и не знал, как сказать этой юной наивной девушке, что иногда жизнь бывает жестокой, что когда-то и я пытался писать статьи в защиту наших четвероногих друзей, но злобное существо, похожее на бультерьера, загнало меня на дерево, и растерзало всю мою работу в клочки...».

– Абонент Сидоров временно недоступен, – вежливо отвечает трубка.

Сцена 4: Больница на троих

«...А в это время Сидоров, ничего не подозревая о том, что я пытаюсь ему дозвониться, в компании с врачом Окачуриным двигался в направлении главного входа больницы...».

По больничному двору быстро движутся две фигуры в белых халатах. Один из них – Сидоров. Другой – врач Окачурин.

Над входом бригада строителей в рабочих спецовках молотками ремонтирует карниз. Поодаль еще одна бригада крепит на трос тяжелую железную бочку с известкой. Трос тянется на крышу и проходит через самодельный лебедочный блок. Возле блока тоже суетятся строители.

По другую сторону от входа вдаль виднеется копающий траншею экскаватор.

Врач услужливо распахивает перед Сидоровым двери и Сидоров делает шаг вперед. Мой голос за кадром продолжает проникновенный рассказ:

«...Не подозревал Сидоров и о том, что помимо обворованной квартиры, судьба приготовила ему еще один сюрприз, и что большой медвежий капкан событий уже готов сомкнуть на нем свои железные челюсти».

За дверью слышится жуткий грохот, чем-то похожий на звук падающих оцинкованных ведер...

На лестнице Окачурин пытается успокоить посетителя. Он заметно возбужден.

– Ничего страшного, обыкновенное ведро! Это мы тут, так сказать, белим, красим. Евро-ремонт, знаете ли. А вы, кстати, кем приходитесь товарищу, так сказать, генералу?

По лицу Сидорова заметно, что он в пессимизме, хотя и пытается сдерживаться. На ходу он недовольно отряхивает штанину и сухо поясняет:

– Внук.

– Поздравляю, товарищ внук! – всплескивает руками врач. – Быть генеральским, так сказать, внуком, это, знаете ли, достойно уважения. Я, признаться, и сам был бы не прочь, но, как говорится, таланта не хватает.

Окачурин снова распахивает дверь перед Сидоровым, но тот решительно пропускает эскулапа вперед. Только убедившись, что врач прошел без проблем, Сидоров делает шаг. Снова слышится грохот железных ведер.

Как ни в чем ни бывало Окачурин продолжает разговор в коридоре, а Сидоров отряхивает другую штанину.

– И не надо, знаете ли, волноваться – ничего страшного с вашим дедом не случилось. Обыкновенный, так сказать, инсульт. Жить, как говорится, будет... Минуточку...

За ближайшим окном видно, как рабочие рывками пытаются поднять на крышу бочку с известкой. Бочка угрожающе раскачивается, бьется о стену между окон, и с каждым рывком с нее капает белая жижа.

– Эй! – орет Окачурин, высунувшись в окно и задирая голову вверх. – Осторожнее! Вы мне так весь фасад заляпаете. Помалу, помалу давай!

Он ловко уворачивается от летящих брызг и как ни в чем ни бывало возвращается к разговору.

– За всеми, как говорится, глаз да глаз нужен...

Сидоров чуть поодаль приводит в порядок свой костюм.

– Да, кстати, – добавляет Окачурин, одним глазом продолжая коситься на бочку, – хочу вас сразу же предупредить. Если ваш, как говорится, дед начнет вдруг рассказывать какие-то глупости, не пугайтесь. Это, так сказать, типичный бред при инсульте. Не придавайте значения. Лучше терпеливо выслушайте, а потом мне расскажете. Договорились?

– Зачем? – не совсем понимает Сидоров.

– Ну, как же зачем, голубчик? Интересно ведь... Минуточку...

Окачурич опять высовывается в окно:

– Да что ж вы ее дергаете? Помалу тяните! Аккуратненько!

– А он вам что, уже что-то рассказывал? – озадачивается Сидоров.

– Ну а как же! У них как приступы начинаются, такого наслушаться можно! Идемте, и не берите в голову. Обыкновенный, так сказать, маразм. Сдвиг по фазе. Шиза. Полная клиника. Мозг, знаете ли, штука неизученная... А вот, кстати, и наш покой..., в смысле, пациент... Ну, не буду вас, как говорится, задерживать... Да! – вспоминает он, прежде чем уйти, и громко шепчет Сидорову на ухо. – Никаких плохих новостей, только хорошие! Ему вредно волноваться.

Врач оставляет Сидорова у палаты с табличкой: «Тяжело больной генерал милиции Сидоров», а сам быстро возвращается к окну с бочкой. Издалека доносится приглушенный крик Окачурина: «Да осторожнее, черти! Помалу давай!».

Сидоров секунду мешкает и рывком заходит в палату, чуть было не налетев на очередное ведро. Он аккуратно отодвигает ведро в сторону и приветствует пациента:

– Здорово, дед.

Генерал лежит на больничной койке в генеральском мундире и вопреки ожиданиям выглядит довольно бодро. Из рта у него торчит какая-то трубка, а потому слова не очень разборчивы.

– А, внучок! – оживляется он одной половиной лица. – Хорошо, что зашел. Какие новости?

Внук старается держаться бодро.

– Хорошие новости. Врач тебя волновать запретил. Кстати, дед, где у нас деньги могут быть спрятаны?

– У тебя что, деньги закончились? – через трубку бухтит генерал. – Много нужно?

– Да так, ерунда. Не волнуйся. В карты я маленько проигрался.

Генерал смотрит на внука с осуждением:

– Это плохо.

– Да нет, не так уж плохо. Просто долг надо отдать, вот и все. Не отдам – убьют...

– И это плохо, – на лице генерала задумчивость.

– Так у тебя есть или нет?..

– Деньги у меня в потайном сейфе, – громким шепотом поясняет дед, – а шифр от замка знаю только я.

– В сейфе нет, – уверенным голосом сообщает Сидоров.

– Как нет? – немного напрягается больной. – Совсем нет?

– Совсем, – бодро поясняет Сидоров. – Ограбили нас.

– Как ограбили? – приподнимается на локтях генерал.

– Да лежи ты, лежи, – утешает больного внук. – Тебе волноваться вредно. Скажи лучше, где еще твои деньги могут лежать? Может ты где секретные записки хранишь?

– Как ограбили? – генерал еще выше поднимается на локтях и подозрительно синееет.

– Да не волнуйся ты так, – ободряюще говорит Сидоров, – обыкновенно ограбили. Подчистую. И чего ты так нервничаешь? Там и было-то всего пара тысяч.

– Маузер, – тяжело хрипит больной.

– Что, Маузер? – не понимает Сидоров. – При чем здесь твой Маузер? Рано тебе стреляться-то...

– Маузер... Где?.. – синева деда быстро приобретает фиолетовый оттенок.

– А! Ты про Маузер спрашиваешь? Тоже ограбили...

Сидоров незаметно для больного скрещивает пальцы на руке.

Лицо генерала начинает идти пятнами. Губы старика сдавленно шепчут:

– Там... Там...

– Что, там? – пожимает Сидоров плечами. – Уже не там. Исчез твой Маузер... Тю-тю...

– Бриллиант, – хрипит больной.

– Да не было там никакого бриллианта.

Сидоров тоже немного напрягается, а генерал все хрипит:

– Маузер... У него... Там... В рукоятке... Тайник... Бриллиант... Звезда Тимура...

– Ты что?! Какой тайник? – внук резко выдергивает трубку изо рта больного. – Тайник?

Что ж ты раньше молчал? В ручке Маузера был тайник?..

– Это Кузьма!.. – продолжает бредить старик. – Это он... Сволочь... Я его продать собирался... Миллион долларов... Бриллиант... М-м-м...

На этих словах генерал успокаивается и падает головой на подушку. Пальцы рук у него скрючиваются, а из горла – только свистящие стоны и бульканье.

– Эй, дед, – трясет Сидоров генерала за плечи, – что с тобой? Очнись, ты что? Какой бриллиант? В какой рукоятке? Ты чего, бредишь, что ли?

– Ну, конечно же, бредит, – раздается за спиной бодрый голос врача Окачурина. – Маузеры, бриллианты... Смех курам!

Сидоров поворачивает голову и вздрагивает:

– Что с вами?

Окачурин выглядит странно – на его лице и колпаке толстый слой жидкой извести. Тем не менее, врач остается невозмутим.

– Не обращайтесь внимания, – на ходу поясняет он, протирая глаза. – Обыкновенный, так сказать, ремонт.

Отерев руки о халат, он быстро щупает у больного пульс. Генерал слегка приоткрывает веки, но увидев врача, опять теряет сознание.

– Я вас предупреждал – обыкновенный инсульт...

– Сделать что-то можно? – озабоченно спрашивает Сидоров.

Окачурин приподнимает пациенту веки, потом выносит свой вердикт:

– Все, как говорится, ясно – обыкновенный инфаркт.

– Вы говорили обыкновенный инсульт, – напоминает Сидоров.

– Ну, был обыкновенный инсульт, а теперь – обыкновенный инфаркт, – доктор стучит молоточком по суставам пациента и добавляет, – и обыкновенный паралич. Как говорится, жить, знаете ли, будет... Если, так сказать, не умрет...

Как ни в чем ни бывало Окачурин идет к умывальнику. Сунув голову под кран, он продолжает разговор:

– Ну, надо же! Звезда, как говорится, Тимура... Да-а... Чего только не наслушаешься... Кстати, молодой человек, там над кроватью, знаете ли, кнопочка красная должна быть. Вы бы ее, так сказать, нажали, пока пациент не скончался...

Возле постели больного пусто. Сидоров-младший исчез. Доктор набрасывает на мокрую голову полотенце:

– А может и не бред, – задумчиво пожимает плечами он и наталкивается на железное ведро. Грохот.

Сцена 5: Страшная правда

Голос за кадром: «Оглушенный известием о бриллианте Сидоров покинул больничные покои не попрощавшись...».

Сидоров-младший бесцельно шагает по улицам города. Время от времени он зачем-то трясет головой, как если бы пытался прогнать наваждение, и щупает лоб. По дороге он машинально заглядывается на витрины и рекламные вывески.

«...Мысли его путались и мешали друг другу. Еще бы! Не желая лишний раз волновать своего заболевшего родственника, он не сказал ему самого главного, и теперь это главное не давало ему покоя. Дело в том, что к моменту ограбления Маузера, а значит и бриллианта, в квартире уже не было, а где он был, этого Сидоров не хотел рассказывать ни деду, ни врачу Окачурину, ни тем более инспектору Подпортянскому...».

Прямо над головой Сидорова большой рекламный щит: «Казино „Пять тузов“. Зайди и выиграй!». Сидоров мрачно сплевывает на тротуар. Он в трансе. Голос за кадром продолжает:

«...Ну а инспектор Подпортянский, совершенно не догадываясь о потерянном бриллианте, бился над очередной головоломкой».

Сцена 6: В кабинете Подпортянского

За рабочим столом, обхватив голову руками, сидит майор Подпортянский. Он сосредоточенно размышляет. Губы его беззвучно шевелятся. Перед ним – сложнейший газетный кроссворд.

Стук в дверь. На пороге лейтенант Смольный.

– Разрешите?

– Разрешаю...

В кабинет входит группа из четырех милиционеров и молча рассаживается за длинным столом. Подпортянский на секунду отрывается от своих бумаг, внимательно оглядывает подчиненных и опять опускает голову к кроссворду.

– Значит так, – начинает он, не поднимая головы, – по поводу генеральской квартиры. Дело серьезное. Не каждый день у нас в стране генералов грабят. Найти негодяев и вывести их на чистую воду – это для нас задача первостепенной важности. Дело чести. Всем ясно?

– Так точно! – за всех рапортует Смольный.

– И чтобы без всяких там отговорок. Найти и точка! Мне уже звонили по этому делу. Оттуда, – Подпортянский не глядя показывает пальцем к потолку. Вслед за пальцем к потолку поднимаются и глаза подчиненных. Под потолком на стене большой плакат: «Приказ начальника – закон».

– Спрашивают, интересуются, торопят, – продолжает Подпортянский. – Такая вот картина... Кстати, Смольный, ты в школе хорошо учился?

– Так точно! – вскакивает лейтенант.

– Тогда у меня вот какой вопрос: известный русский живописец с пешеходной фамилией. Смольный на секунду задумывается:

– Шагал.

– Куда шагал? – переспрашивает инспектор.

– Не шагал, а Шагал, – уточняет лейтенант. – Марк Шагал, живописец такой был. Он еще квадраты хорошо рисовать умел. Черные. Ша-гал.

– Квадраты, вроде, Айвазовский рисовал, – включается в разговор еще один милиционер, но Подпортянский тормозит его с явным неудовольствием:

– Отставить Айвазовского! Шагал квадраты рисовал. По буквам подходит, – он быстро черкает в кроссворде нужное слово. – Шагал... Ладно, что там у нас по генеральской квартире. Есть продвижение?

– Так точно! – бодро рапортует Смольный. – Разрешите?

– Разрешаю.

Лейтенант берет в руки исписанный лист и читает:

– В рамках оперативно-следственных мероприятий нашей группой был задержан подозрительный гражданин, по всем признакам направлявшийся в обворованную квартиру. Проверка личности показала, что это некто Нечитайло – штатный охранник игорного дома «Пять тузов».

По дороге на допрос гражданин Нечитайло ударился глазом о дверь, после чего показал, что направлялся в квартиру генерала Сидорова по заданию начальника охраны игорного дома с целью получить долг с внука генерала Сидорова.

Для проверки этой информации в качестве свидетеля нами был вызван начальник охраны игорного дома «Пять тузов». По дороге в кабинет он дважды ударился о дверь лбом и показал, что распоряжение ему дал директор казино. Вызванный для дачи показаний директор...

Подпортянский перебивает лейтенанта:

– Ударился о дверь...

– Так точно! Вызванный для дачи показаний директор игорного дома демонстративно отказался отвечать на вопросы следствия, но по дороге в кабинет ударился о дверь носом. После этого он рассказал, что действительно ссудил гражданина Сидорова некоторой суммой денег и послал своих работников, чтобы напомнить гражданину Сидорову о долге. Хозяин квартиры подтверждает эту информацию.

Исходя из имеющихся фактов, можно предположить, что ограбить квартиру Сидоровых мог охранник казино Нечитайло. Узнав, что внук генерала Сидорова приготовил сумму, необходимую для погашения долга, гражданин Нечитайло тайком пробрался в квартиру и унес вышеуказанную сумму, после чего вернулся, чтобы напомнить гражданину Сидорову о долге.

– А зачем ему было возвращаться? – задумчиво перебивает инспектор.

– Чтобы запутать следы и отвести от себя подозрения.

– Логично, – соглашается Подпортянский. – А у экспертов как?

– Экспертам удалось обнаружить на сейфе неопознанные отпечатки пальцев, но при опознании обнаружилось, что они принадлежат самим экспертам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.